

А.Д. Терлецкий

Настасья Филипповна

Барашкова Настасья Филипповна — центральный персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», старшая дочь отставного офицера Филиппа Александровича Барашкова, «хорошей дворянской фамилии», скончавшегося «в горячке», когда ей было семь лет. Вместе с шестилетней сестрой (вскоре умершей от коклюша) Настасья Филипповна была принята на «иждивение и воспитание» соседом отца по поместьям Афанасием Ивановичем Тоцким — человеком «высшего света, с высшими связями и необыкновенного богатства». Вслед за тем, как Афанасий Иванович увидел в двенадцатилетней девочке будущую «необыкновенную красавицу», воспитание Насти «приняло чрезвычайные размеры»: приглашена была опытная гувернантка, преподававшая французский язык и разные науки. Спустя четыре года Настасья Филипповна была перевезена бездетной вдовой-помещицей, соседкой Тоцкого, «вследствие инструкции и полномочия» от него, в сельцо Отрадное, находившееся в далекой губернии. С той поры Афанасий Иванович «как-то особенно полюбил эту глухую степную свою деревеньку».

Прошло еще года четыре. До Настасьи Филипповны дошел слух, что ее «благодетель» задумал жениться на богатой и знатной красавице. «Одна-однехонька» она неожиданно явилась к Тоцкому в Петербург и объявила, что приехала «не позволять ему этот брак... единственно потому, что ей так хочется»: «Ну, хоть для того, чтобы мне только посмеяться над тобою вволю, потому что теперь и я наконец смеяться хочу». Афанасий Иванович увидел перед собой «совершенно другую женщину», не похожую на ту, которую знал еще четыре месяца назад. Настасья Филипповна, пройдя «воспитание» «по программе Тоцкого», теперь, как оказалось, «необыкновенно много знала и понимала». Она была готова «самое себя погубить... лишь бы надругаться над человеком», к которому питала «отвращение» и «глубочайшее презрение». Тоцкий решил поселить ее в Петербурге и «окружить роскошным комфортом». Настасья Филипповна хотя и согласилась принять предложенный ей «комфорт», но вела очень скромную и довольно уединенную жизнь: училась, читала, слушала музыку. Все знали о ее красоте, но «никто не мог ничем похвалиться». Чтобы обезопасить себя от возможных выходок Настасьи Филипповны, Тоцкий решает при содействии генерала Епанчина выдать ее замуж за Ганю Иволгина. Как раз в это время судьба сводит Настасью Филипповну сначала с Рогожиным, а затем и с князем Мышкиным.

На фотографическом портрете, так поразившем Мышкина, Настасья Филипповна была запечатлена «в черном шелковом платье, чрезвычайно простого и изящного фасона». Темно-русые волосы ее «убраны просто, по-домашнему; глаза темные, глубокие, лоб задумчивый; выражение лица страстное и как бы высокомерное». «Необыкновенная», «странная», «ослепляющая красота» Настасьи Филипповны для князя «была даже невыносима». «Такая красота, — замечает Аделаида Епанчина, — сила», с ней «можно мир перевернуть!». Князь Мышкин, рассматривая портрет Настасьи Филипповны, поражается тому, что в лице ее вместе с «необъятной гордостью» и «презрением» есть «что-то доверчивое» и «удивительно простодушное», вызывающее сострадание. Глаза Настасьи Филипповны говорят ему, что она «ужасно страдала», лицо — «внушает страдание, захватывает всю душу».

Отзывы окружающих характеризуют не только Настасью Филипповну, но и тех, кто о ней отзывается. Генерал Иволгин собирается «лечь» на пороге, чтобы эта «двусмысленная женщина», «бесстыдная камелия» не вошла в дом, где находятся его дочь и жена. Тоцкий видит в Настасье Филипповне «самое лучшее» свое «оправдание на все ее обвине-

ния» против него — «колоритная женщина», «нешлифованный алмаз». Ганя Иволгин, зная, что Настасья Филипповна считает его «подлецом» за то, что он ее, «чужую любовницу, так откровенно за ее деньги» берет, сообщает Мышкину, что она — «женщина добровольная», «чрезвычайно русская женщина», с Тоцким давно уже не живет, «в иные секунды» конфузится и бывает порой «ужасно неловка». Для генерала Епанчина Настасья Филипповна — «женщина бескорыстная», но «погибшая» и «сумасшедшая» (впоследствии, правда, он скажет, что не верит ее «помешательству»: «Женщина вздорная... но при этом даже тонкая, но только не безумная»). Лизавета Прокофьевна, при всей доброте своей души, именует Настасью Филипповну «тварью». Аглая называет ее «мерзкой женщиной». Лебедев со свойственной ему пронизательностью подмечает, что Настасья Филипповна «все ищет чего-то, как бы потеряла что-то»; «дама с воображением беспоконным», «насмешлива, двуязычна, вскидчива», но «к темам серьезным, хотя бы и посторонним, слишком склонна». Вместе с Лебедевым они толкуют Священное Писание.

Поведение Настасьи Филипповны отчасти способствует неблагоприятным откликам о ней. В доме Иволгиных она разыгрывает «ветреную дурочку», у которой «отнимают игрушку» — забавляющего ее генерала. Ей свойственны резкие перепады в настроении: истерический и беспредметный хохот перемежается «с молчаливою и даже угрюмою задумчивостью». В своих желаниях Настасья Филипповна всегда «неудержима и беспощадна». Неожиданным образом разрешает она вопрос о своем замужестве: при всех спрашивает у князя — выходить ли ей замуж за Ганю? — и по его совету отказывает «жениху».

При встрече с Настасьей Филипповной Мышкин угадывает, что она «в самом деле не такая», какой представляется (ее «бледное и задумчивое лицо» не гармонирует с «напускным ее смехом»). За «недовольною брезгливою гримаской», за пренебрежительною веселостью он видит другой лик Настасьи Филипповны. Ему кажется, что она «умна»; он почитает ее за «совершенство», готов «как есть, без ничего» взять ее замуж и при этом сочтет, что не он ей, а она ему сделает честь, потому что она страдала и «из такого ада чистая» вышла. Настасья Филипповна благодарит князя за сделанное ей предложение, за то, что он в нее «с одного взгляда поверил» — до сих пор с ней «так никто не говорил»: «все торговали, а замуж никто еще не сватал из порядочных людей». Поэтому и она «в него первого», за всю свою жизнь, «как в истинно преданного человека поверила». Но Настасья Филипповна до того несчастна, что, по словам Мышкина, «действительно виновною себя» считает, так как «Тоцкого наложницей была...». Она говорит, что князю «теперь надо Аглаю Епанчину, а не Настасью Филипповну», не хочет «младенца губить», и посему им лучше проститься «по-доброму»; а то ведь она тоже «мечтательница»: пять лет в деревне «воображала» такого, как он, — «доброе, честное, хорошего». Сто тысяч, привезенные для нее Рогожиным, Настасья Филипповна бросает в камин и уходит с ним «на улицу», где ей «и следует быть».

От Рогожина Настасья Филипповна на другой же день бежала. Разысканная им в Москве, пропала снова и, опять им разысканная, «дала ему наконец почти верное слово выйти за него замуж», а через неделю, «почти что из-под венца», убежала к Лебедеву, но сказала, что не отрекается от него совсем. По словам Рогожина, Настасья Филипповна «прямо в лицо» ему говорила, что любит Мышкина («с тех самых пор, с именин-то, и полюбила»), но «сгубить и опозорить» всю судьбу его боится, так как она «известно какая». Она потому и убежала тогда от него, что «сама спохватилась», как сильно его любит, а с Рогожиным ушла по той причине, что он для нее «еще страшнее воды», не то давно бы уж «в воду кинулась» («...пойду за тебя... не потому, что боюсь тебя, а все равно погибать-то»).

За четыре дня своего пребывания в Павловске Настасья Филипповна успела обратить на себя общее внимание. Между тем здесь она «держит себя чрезвычайно порядочно, одевается не пышно, но с необыкновенным вкусом». Настасья Филипповна уверена (со слов Рогожина), что Мышкин влюблен в Аглаю, и (хотя сама она «еще не

разлюбила» его) «непременно повенчать» их хочет. С этой целью она дискредитирует в глазах семейства Епанчиных Евгения Павловича Радомского — первого претендента на руку Аглаи. Настасья Филипповна «умоляет, склоняет, обольщает» ее (в письмах) выйти замуж за князя. Аглая же говорит Мышкину, что Настасья Филипповна «убьет себя на другой день», как только они обвенчаются. Князь просит Аглаю не бросать «камня» в Настасью Филипповну, так как «эта несчастная женщина глубоко убеждена, что она самое павшее, самое порочное существо из всех на свете». Возможно даже, «в этом непрерывном сознании позора для нее... заключается какое-то ужасное, неестественное наслаждение, точно отмщение кому-то».

О себе Настасья Филипповна сообщает, что не принадлежит «к таким существам, которым наслаждение себя унижать, хотя бы из гордости». Хотя Аделаида и сказала про ее портрет, что с «такою красотой можно мир перевернуть», — она «отказалась от мира», почти уже не существует и скоро умрет. Встретившись с Мышкиным в парке «в первый раз после их разлуки», Настасья Филипповна опускается пред ним на колени, ловит его руку, чтобы поцеловать ее, говорит, что видит его «в последний раз».

В одном из писем к Аглае Настасья Филипповна рассказывает, что под впечатлением встречи с ней она «выдумала одну картину»: рядом с Христом изобразила бы «только одного маленького ребенка». Христос «смотрит вдаль, в горизонт; мысль, великая, как весь мир, покоится в Его взгляде; лицо грустное». Рука Спасителя «невольной, забывчиво осталась на светлой головке ребенка». Ребенок тоже по-детски задумался и «пристально на Него смотрит. Солнце заходит...».

Объяснение с Аглаей (по инициативе последней) в присутствии Рогожина и Мышкина переменяло прежние намерения Настасьи Филипповны. Отправляясь на встречу с ней, она «еще мечтала о чем-то». Теперь Настасья Филипповна смотрела на свою соперницу и «точно себе не верила», ей «даже странно было так увидеть Аглаю». Князь, к тому времени почти уверившись в «сумасшествии» Настасьи Филипповны, понимал тем не менее, что «эта женщина, — иногда с такими циническими и дерзкими приемами, — на самом деле была гораздо стыдливее, нежнее и доверчивее, чем бы можно было о ней заключить. Правда, в ней было много книжного, мечтательного, затворившегося в себе и фантастического, но зато сильного и глубокого...». Неожиданно Настасья Филипповна с таким сильным порывом «приказывает» Мышкину остаться с ней, что ему показалось, что она может умереть. После того, как князь бросился было за Аглаей, она «на пороге обхватила его руками» и «упала без чувств ему на руки».

В продолжение двух недель «целые дни и вечера» Настасья Филипповна и Мышкин проводили вместе. Но за несколько дней до свадьбы, которую «выдумала» и «непременно пожелала скорей» Настасья Филипповна, «она сильно стала задумываться». На венчание Настасья Филипповна явилась «бледная как платок», «большие черные глаза ее сверкали на толпу как раскаленные угли». Увидев в толпе Рогожина, она вскрикнула и бросилась к нему «как безумная». Он увез ее к себе в дом и зарезал в собственном кабинете «в четвертом часу» следующего утра.